

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-22-44

УДК 94; 327

СТИВЕН ВЕРТХАЙМ

Инструментальный интернационализм: Американские истоки Организации Объединенных Наций. 1940–1943

Аннотация. *Вопрос о том, почему Соединенные Штаты захотели создать Организацию Объединенных Наций, получил поверхностное освещение в историографии, несмотря на тщательное изучение конференций 1944–1945 гг., где непосредственно учреждалась ООН. Ответ кроется в более раннем периоде Второй мировой войны, с середины 1940 по 1942 г., когда под давлением стремительно развивавшихся событий американские официальные лица и экспертный истеблишмент решили, что их страна должна не только вступить в войну, но и надолго стать по ее завершении мировым лидером. Среди тех, кто разрабатывал послевоенный курс, в 1941 г. неофициально, а в 1942 г. уже под эгидой Госдепартамента, идея международной политической организации приобрела популярность потому, что в ней увидели незаменимый инструмент для реализации послевоенного мирового первенства США, для умножения, а вовсе не ограничения американской мощи. Разработчики послевоенной стратегии посчитали, что всемирная организация легитимирует мировое верховенство США в глазах американской общественности, так как она будет восприниматься символом кульминации интернационалистских стремлений покончить с политикой с позиции силы, хотя в своем проекте ООН сами они исходили из радикальной критики Лиги наций именно за то, что она претендовала на преодоление политики силы.*

Ключевые слова: интернационализм, изоляционизм, всемирная международная организация, Вторая мировая война, Организация Объединенных Наций, Соединенные Штаты, Госдепартамент, Лига Наций.

Когда в Европе началась Вторая мировая война, мало кто из американцев предполагал, что Соединенные Штаты вскоре присоединятся к общей международной организации, не говоря уже о том, чтобы стать главным творцом новой. Не допускали этого даже виднейшие сторонники Лиги Наций. Куинси Райт, один из выдающихся политологов своего времени, в частной переписке высказывал убеждение, что на протяжении ближайших десятилетий международная организация будет иметь «второстепенное значение в мировых делах» [Quincy Wright to Manley Hudson...]. К лету 1940 г.

Сведения об авторе: ВЕРТХАЙМ Стивен (Wertheim, Stephen) — старший научный сотрудник Программы государственного управления Фонда Карнеги; приглашенный исследователь Центра глобальных проблем права Йельской школы права Йельского университета; доктор философии по истории (Колумбийский университет, 2015), stephen.wertheim@columbia.edu.

перспективы стали еще туманнее. Когда Гитлер за шесть недель захватил Францию, шокировав всех, включая собственных генералов, это лишний раз убедило американских наблюдателей, что их страна была права, держась в стороне от международного порядка, который оказался так легко сметен.

Однако к концу 1942 г. США уже планировали создать преемницу Лиги Наций. Президент Франклин Д. Рузвельт собрал советников Госдепартамента для обсуждения послевоенного устройства мира, и они решили основать новую международную политическую организацию с универсальным членством и участием США.

Почему Соединенные Штаты решили в первую очередь создать то, что стало Организацией Объединенных Наций? Почему был выбран принцип универсальности, охватывающий каждое государство независимо от его размеров, в противовес таким альтернативам, как свобода односторонних действий, англо-американское партнерство, «концерт» великих держав или отдельные региональные системы?

Удивительно, но этот вопрос остается без ответа. Исследования американских источков ООН сосредоточены на более поздних этапах, от стартовавших в 1943 г. переговоров главных держав до конференций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско и ратификации Сенатом США Устава ООН [См.: Bosco; Divine; Hilderbrand. Dumbarton Oaks... Hoopes, Brinkley; Schlesinger]. Но, как показывает почти единогласное голосование Сената (89 голосов «за», 2 против), эти знаковые форумы в основном доработали и реализовали уже имевшуюся базовую концепцию. Сама же концепция создания ООН нуждается в объяснении — ее нельзя просто принять за данность¹.

Ведь Лига Наций в глазах многих, включая планировщиков Рузвельта, выглядела полным провалом. Она не смогла разрешить важнейшие политические споры, и не только потому, что Америка стояла в стороне. Потерпела провал концепция Лиги Наций, которая изначально конструировалась не столько для вооруженного противодействия агрессору, сколько для выражения «общественного мнения», понимаемого как мировое общественное сознание [См.: Jaeger. P. 589–618; Mazower, *Governing the World...* Ch. 5; Thompson. P. 113–125; Wertheim. *Reading the International...* P. 27–63]. К осени 1940 г. такой подход уже казался более чем наивным. Стремление выйти за рамки политики силы вылилось в наблюдение за тем, как страны Оси захватывают почти половину мира.

1 Данная статья опирается на ряд работ, в которых прослеживается ход планирования послевоенной политики в Государственном департаменте и других инстанциях в период с 1940 по 1943 г.: [Borgwardt; Hearden; Husain; Johnstone. *Against Immediate Evil...*; Johnstone. *Dilemmas...*; O'Sullivan; Smith]. Однако, в отличие от названных публикаций, главная задача данной статьи состоит в поиске объяснения, почему США в принципе захотели создать универсальную политическую организацию. Подчеркивается значение такого фактора, как поиск внутренней легитимации. Утверждается, что решающий поворот произошел в процессе работы по послевоенному планированию, проводившейся вне правительственных структур в 1940 и 1941 гг.

В 1940–1942 гг. в американском мышлении произошла революция, но не в том смысле, что американцы вернулись к прежнему интернационалистскому проекту (времен Вильсона. — Прим. редакции). Вместо этого госчиновники и интеллектуалы переосмыслили словарь интернационализма, чтобы выковать нечто новое: приверженность военно-политическому превосходству США в мировых делах. Под давлением международной катастрофы внешнеполитические элиты решили, что их страна должна взять бразды правления послевоенным миром и что мировое лидерство исключает всемирную организацию. Когда в 1940–1941 гг. архитекторы будущего набрасывали первые чертежи американского господства, они представляли, что Соединенные Штаты будут выполнять функцию мирового жандарма посредством тесного партнерства с Великобританией и ее доминионами белых переселенцев, но ни с кем больше. Идея состояла в том, чтобы проецировать «американо-британскую» власть на международный уровень, а не контролировать силу через международную организацию.

Только в 1942–1943 гг., поняв, что великодержавная исключительность оттолкнет американскую общественность, разработчики послевоенного курса (а затем и Ф.Д. Рузвельт) увидели преимущества в более широкой глобальной инстанции. Если бы удалось совместить американское превосходство с универсальной формой, то такая новая международная организация могла бы одновременно облегчить глобальное господство США и завоевать поддержку американского народа, а также развеять подозрения других государств. Целенаправленное использование американского наследия — противостояния силовой политике, а также интернационализма и международной организации легитимировало бы американское доминирование с позиции силы гораздо эффективнее, чем любой национальный односторонний курс или ограниченный альянс.

Дорога к ООН, таким образом, пролегла через парадоксы. Отказываясь замалчивать их, автор данной статьи предлагает иную объяснительную схему, отличную от линейной логики тех немногих текстов, где всерьез учитывается осмысление и планирование послевоенного мира в первые годы Второй мировой войны. Все они трактуют ООН как продукт «Речи о четырех свободах», Акта о ленд-лизе и Атлантической хартии, хотя ни в одном из трех этих источников всемирная организация даже не упоминается¹. Получается, что мировое лидерство и всемирная организация взаимно подразумевали друг

1 В большинстве описаний историками «политика Четырех свобод, Атлантической хартии и ООН», как выражается Дэн Плеш, сводится к телеологической прогрессии и единому пакету мер. Плеш, например, утверждает, что ООН выросла из Декларации двадцати шести государств, которая, в свою очередь, «основывалась на речи Рузвельта о "Четырех свободах" в январе 1941 г. и Атлантической хартии, подписанной им и Черчиллем в августе того же года». Элизабет Боргвардт увязывает Атлантическую хартию с принципом «многосторонних институтов», заявляя, что Хартия «предвосхитила ориентацию на верховенство права, заложенную в Нюрнбергском уставе, коллективную безопасность, сформулированную в Уставе ООН, и даже идеологию свободной торговли, заложенную в Бреттон-Вудских соглашениях, учредивших Всемирный банк и Международный валютный фонд». Дэвид Рейнольдс резюмирует консенсусную точку зрения: «Четыре свободы, Атлантическая хартия и Декларация ООН стали ориентирами для нового международного порядка» [Plesch. P. 2, 9; Borgwardt. P. 5; Reynolds. From World... P. 328].

друга, были чуть ли не двумя сторонами одной и той же «интернационалистской медали» (тезис, более-менее прямо выдвинутый политологом Г. Джоном Айкенберри)¹. Именно такую трактовку в свое время продвигали сами архитекторы мирового лидерства США: они превратили вооруженное превосходство в воплощение «интернационализма», привязав его к идеалу международной организации и противопоставив тому, на что они наклеили обновленный ярлык «изоляционизм». Дуализм «интернационализма» и «изоляционизма» прикрывал то, что целью теперь стало превосходство и эта цель была противоположной традиционному интернационализму с его стремлением положить конец войнам и господству сильных над слабыми. В реальности разработчики американской послевоенной стратегии первоначально предпочитали мировое лидерство без мировой организации, да и потом, даже объединив два эти концепта, отдавали приоритет первому².

Вместо того, чтобы вторить своекорыстным концепциям, используемым приверженцами превосходства США, данная статья показывает, как по мере развития событий формировались реальные концепции. Для этого вначале дается краткий обзор того, на какой основе американские эксперты мыслили глобальное верховенство США в 1940–1941 гг., а затем анализируется поворот к разработке в Госдепартаменте проекта всемирной организации. Американские создатели ООН ценили свое творение в сугубо инструментальном смысле и не стеснялись говорить об этом. Международная организация больше не мыслилась как апофеоз мирового духа или сосуд вечного мира — она стала средством для достижения цели. Интернационализм описал полный круг

1 Дж. Айкенберри считает, что США создали высоко институционализированный послевоенный порядок, в рамках которого они согласились с ограничениями на осуществление своей власти, чтобы укрепить и продлить свое первенство. Его аргументация отчасти основана на тезисе, что Соединенные Штаты по своей природе являются «сдержанной сверхдержавой»: поскольку они не стремились к подчинению других, они с готовностью приняли институциональные ограничения. На самом деле, как показывается в данной статье, американские госчиновники и привлеченные ими аналитики ценили демонстрацию подавляющей военной мощи выше создания универсальной политической организации. Неслучайно они сначала полностью исключали последний вариант и приняли его только после того, как из проекта были вычеркнуты наиболее обязывающие положения о коллективной безопасности [Ikenberry. P. 201–202].

2 Данное утверждение опирается на трактовки Роберта Хильдебранда и Марка Трахтенберга, которые подчеркивают политико-силовые аспекты Устава ООН, разработанного в 1944–1945 г. Однако они игнорируют вопрос о том, почему в 1940–1943 гг. официальные лица США вообще пришли к решению создавать универсальную политическую организацию. Концентрируясь на первых годах войны, данная статья оспаривает тезис Хильдебранда, что только на Думбартон-Окской конференции 1944 г. свойственные «большой четверке» «националистические мечты о гегемонии» разрушили более креативный и амбициозный замысел международной организации, имевшийся у американских планировщиков. Напротив, именно эти планировщики с осени 1940 г. работали над выстраиванием послевоенной гегемонии во главе с США, отказываясь тогда, как отмечает сам Хильдебранд, от любой всемирной организации с всеобщим членством [Hilderbrand. Dumbarton... P. X; Hilderbrand, Trachtenberg. P. 218–219].

с XVIII в.: мечта об упразднении политики силы превратилась в инструмент управления миром¹.

Такой итог вряд ли просматривался в быстро меняющихся обстоятельствах первых двух лет войны, до японской бомбардировки Перл-Харбора в декабре 1941 г., ввергнувшей США в войну. Однако с самого начала было ясно, что вильсоновский рецепт большой политики провалился как практически, так и концептуально. Когда в начале 1940 г. Государственный департамент собрал свой первый комитет по послевоенному планированию, все согласилось со словами помощника госсекретаря Адольфа Бёрла: «Участие Соединенных Штатов в политическом объединении, подобном Лиге Наций, вероятно, невозможно». Комитет желал восстановления мировой торговли, предпочтительно через некую международную экономическую организацию, но все его 15 членов делали ставку на сочетание экономического универсализма с политическим регионализмом. Лига Наций, фантазировали они, распадется на географически разделенные организации, государства Европы прекратят боевые действия, разоружатся и войдут в континентальное политическое объединение, способное поддерживать мир с помощью международных военно-воздушных сил и благодаря отмене единогласного принятия решений. Соединенные Штаты в любом случае останутся в пределах своей «естественной и действительной» панамериканской сферы [Berle. Organization of Peace... См. также: Advisory Committee...January-May 1940].

Эти планы отражали урок 1930-х годов: любая эффективная система безопасности зависит от готовности великих держав применять силу для защиты либерального порядка. Но что если одним из таких защитников, применяющих силу, станет нацистская Германия или англо-французский блок, захотевший лишить Америку возможности торговать? [A. Berle Diary...] Какой рычаг могла бы использовать нейтральная Америка, чтобы задать контуры послевоенного устройства? По признанию одного из аналитиков, слишком много кругов нужно было свести к квадратуре: «Я предпринял несколько попыток изложить на бумаге свои концепции мирового порядка и уничтожил результаты, так как увидел, что они были слишком конкретизированными» [Wilson. World Order...].

Тот комитет был распущен после мая 1940 г., когда немецкое завоевание Европы сделало неактуальной конференцию нейтральных стран, на которой сосредоточились его планы.

Если в государственном аппарате с трудом видели перспективу всеобщей международной политической организации, то сторонники Лиги Наций вне администрации были дезориентированы не меньше. Приверженцы вильсонианства отреагировали на начало войны в Европе созданием Комиссии по изучению организации мира (CSOP) — пожалуй, самой влиятельной неправительственной группы, пропагандировавшей в военный период международную организацию. Возглавил группу историк Джеймс

1 Об истории либерального интернационализма в Европе и Америке см.: [Bell; Mazower. Governing... Mazower. No Enchanted... Sluga; Clavin].

Шотвелл, ответственный за антивоенный пакт Бриана — Келлога 1928 г., а попытками наметить контуры нового международного порядка руководил (в 1940–1941 гг.) Куинси Райт [См. Johnstone.Against... Josephson. Ch. 13; Simpson. P. 317–324] Однако все усилия этих эмблематичных фигур вильсонианства лишь выявили смятение в их умах. Утратив веру в «общественное мнение» как основу международного порядка, они столкнулись с незавидным выбором: вывести Лигу Наций из большой политики, ограничив ее социально-экономической деятельностью, или поддержать принцип принудительных санкций, что выглядело невыполнимым практически и противоречило их интернационалистским устремлениям.

Для некоторых членов CSOP, таких как корпоративный юрист и будущий госсекретарь Джон Фостер Даллес, «исключительно консультативная» Лига Наций представляла собой максимум того, чего можно было достичь, и единственное, к чему могла бы присоединиться Америка [J. Foster Dulles to Wright... Также см.: P. Jessup to Wright... A. Wolfers to Wright...]. В апреле 1940 г. Дж. Шотвелл предложил, чтобы CSOP продвигала идею Лиги, занятой только экономическими и социальными вопросами [J. Shotwell to Wright...]. Это не удовлетворило К. Райта, который отказался умерить амбиции и расстаться с целью покончить с политикой силы. «Мы должны докопаться до сути и заняться проблемой безопасности», — писал Райт. Он критиковал «социальщиков» за повторение ошибочного представления 1920-х годов, что сотрудничество в неполитических областях будет распространяться на другие сферы [Wright to C. Eagleton...]. Однако проблема безопасности не имела решения, и Райт был близок к признанию этого. При нынешнем состоянии общественного мнения, писал он, эффективная международная организация требует «подавляющей силы», но невозможно сказать, откуда эта сила возьмется, не говоря уже о том, как ее можно регулировать [Second Draft of Statement...Также см.: Wright Q].

Не имея возможности разработать подробные планы, CSOP вплоть до конца 1940 г. выступала с расплывчатыми публичными заявлениями. Она сосредоточилась на продвижении идеи участия США в мировой политике, утверждая, что желание участвовать важнее, чем форма, которую их участие примет [C. Eagleton to Wright...].

Планирование послевоенной системы обрело новую актуальность, когда вермахт весной и летом 1940 г. одержал верх в «странной войне», нацисты прошли маршем по Парижу и Гитлер превратился в единственного хозяина Европы. Германская военная машина, казалось, захватит Британские острова, а возможно, и Британскую империю. Полная смена структуры геополитической власти доказала американским наблюдателям, что либеральные формы взаимодействия, не способные, вопреки ожиданиям интернационалистов, заменить вооруженную силу, фактически зависят от нее как от фундамента.

Эксперты — особенно в полуофициальных кругах, таких как Совет по международным отношениям (CFR), который занимался вопросами послевоенной политики от имени Госдепартамента с начала 1940 г. до Перл-Харбора, — судорожно вычисляли

территорию американских интересов, подлежащую силовой защите [См. Shoup, Minter. Ch. 4; Smith. Ch. 10; Santoro; Schulzinger; Wertheim, *Tomorrow, the World...* Chs. 1–3]. Сначала, в июне и июле, они полагали, что послевоенные Соединенные Штаты смогут занять не более «половины полушария», от Северной Америки до середины Бразилии. Такой вариант не выглядел катастрофическим в узком материальном плане: экономисты CFR подсчитали, что в основном автономная экономика США, при торговле на этом пространстве, будет функционировать адекватно [Wertheim. *Tomorrow, the World...* P. 93–95, 104–106]. Осенью, однако, Великобритания показала, что может противостоять натиску нацистов, и американские внешнеполитические элиты решили, что США должны защищать не только все полушарие, но и, по сути, весь мир, за исключением Европы, которая, как виделось, останется подчиненной нацистам. Результатом стал тезис, открывший новую эпоху во внешнеполитической истории США: Соединенные Штаты должны обладать преобладающей военной мощью на максимально возможной части земного шара. Эта концепция, получившая внутри Совета по международным отношениям рабочее название «Большая область», лежала в основе американского послевоенного планирования на протяжении большей части 1941 г. Весной Конгресс принял Акт о ленд-лизе, чтобы помочь союзникам; американская политическая система действовала исходя из предположения, что национальная безопасность США зависит от выживания британского флота в Атлантике и благоприятного баланса сил в Европе и Азии¹.

Именно в этом контексте издательский магнат, основатель *Time*, *Life* и *Fortune*, Генри Люс выступил в феврале 1941 г. со своим знаменитым призывом к «американскому веку». «Полная возможность лидерства — у нас», — заявил Люс. Он провозгласил это во имя «интернационализма», но ни разу не упомянул международную организацию. На каком основании называл он себя «интернационалистом»? Ответ кроется в обращении Люса к «престарым, избитым ярлыкам — вопросу изоляционизма и интернационализма» [Luce. P. 63]. Люс отстаивал интернационализм постольку, поскольку он был против «изоляционизма» — клише, навешиваемого на противников не столько вхождения в международную организацию, сколько военных вмешательств.

Этот дуализм «интернационализм — изоляционизм», хотя и названный Люсом устаревшим, был на самом деле новым. Только в середине 1930-х годов термин «изоляционизм» начал циркулировать в американском политическом дискурсе — почти всегда не как самоопределение, а как оценочный эпитет [Blower. P. 345–76; Wertheim. *Tomorrow, the World...* P. 57–62]. Те, кто считали себя интернационалистами, переосмыслили это слово и собственный проект, противопоставляя его новому «изоляционистскому» имиджу оппонентов. Американский «изоляционизм», утверждали они, привел к мировому кризису, цепляясь за устаревшее ограничение политических и военных обязательств США рамками Западного полушария [См., например, Lippmann. P. 11.]. Смыслы «интернационализма», направленные против национализма и политики силы, отошли на

1 Об истоках американского глобализма в 1940–1941 гг., с упором на Рузвельта и большую дипломатию, см. [Reynolds. *From Munich...* Schmitz].

задний план. Интернационализм теперь стал означать антиизоляционизм; он подразумевал прежде всего проецирование военной мощи США за пределы Западного полушария и, в принципе, повсюду, где только могли обнаружиться чья-то военная сила и ее источники.

В результате оказалось возможным бороться против «изоляционизма», не будучи сторонником членства в международной организации. Растущее число американцев, поддерживавших вступление во Вторую мировую войну и последующую политику вооруженного превосходства, не обязательно становились приверженцами Лиги Наций или какого-либо нового подобного объединения. На первый план вышел совершенно иной способ устройства послевоенного мира.

На протяжении большей части 1941 г. разработчики американской послевоенной стратегии предполагали, что Соединенные Штаты вступят в исключительное партнерство с Великобританией и ее империей белых доминионов. В июле в Совете по международным отношениям наметили план «постоянной политической связи» с Британским Содружеством [Sharp. The Political...]. Для группы, отвечавшей за политическое планирование в Совете (ее возглавлял, международный бизнесмен и давний сторонник англоязычного единства Уитни Шепардсон), американо-британское объединение было привлекательным по той же причине, по которой всемирное объединение было малопривлекательным. Только первое могло обладать подавляющей военной силой «под контролем тех, чьи эгоистические интересы обеспечат ее применение», как выразился один из членов Совета, военный обозреватель Джордж Филдинг Элиот [Memorandum of Discussions. №. P-A5...]. Планировщики Совета по международным отношениям искали модели для американо-британского сотрудничества не в Лиге Наций, а в Имперских конференциях доминионов Британской империи и в межправительственных структурах союзников времен Первой мировой войны [Sharp. Institutional Arrangements...].

Одна из причин, по которой элиты США сплотились вокруг идеи «американо-британской» структуры, заключалась в том, что «американское» стояло перед «британским»: они уверились, что Соединенные Штаты станут старшим партнером. Эта перспектива, казавшаяся сомнительной во время Первой мировой войны, в 1941 г. считалась вероятной по обе стороны Атлантики. «Pax Americo-Britannica», «американо-британский мировой порядок» — так Арнольд Тойнби, писавший для спонсируемой Форин офисом Британской службы внешнеполитических исследований и прессы (подразделения Chatham House — прим. ред.), характеризовал желанное будущее [Цит. по: Douglas. P. 107–8].

Обозреватель журнала Fortune Рэймонд Лесли Бьюэлл придумал формулу «американо-британское лидерство». Большую часть межвоенного периода Бьюэлл руководил исследованиями для Ассоциации внешней политики и критиковал то, что он называл «американским империализмом» в Латинской Америке и европейским колониализмом в Африке; Бьюэлл хотел, чтобы интервенционизм великих держав был поставлен под международный контроль и регламентировался общественным мнением [Buell. P. 73].

Но в 1940 г., встревоженный нацистским «новым порядком», он покинул прежний пост, чтобы возглавить отдел послевоенной политики в издательском доме Г. Люса. Теперь он высмеивал Лигу Наций, именуя ее «безлидерным международным органом». «В будущем, — писал Бьюэлл, — Америка не сможет сражаться в поддержку системы безопасности, компетенцию и функционирование которой она не контролирует» [Buell to TIME Inc...].

В августе идея исключительного американо-британского сотрудничества достигла кульминации в Атлантической хартии, провозглашенной Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем у берегов британского доминиона Ньюфаундленд. Историки часто оценивают Атлантическую хартию как шаг к возрождению всемирной организации [см. напр.: Hoopes, Brinkley. P. 40; Kennedy. P. 25; Plesch. P. 24–27]. Для Рузвельта это было вовсе не так. Когда Черчилль предложил высказаться за «эффективную международную организацию», Рузвельт вычеркнул это словосочетание, заменив его обтекаемой формулой «более широкая и постоянная система всеобщей безопасности». Он заявил британскому премьеру, что только Америка и Великобритания, а не какая-то всемирная организация, могут поддерживать мир после войны [Department of State... 11 August 1941 (11 a.m. meeting)]. Советник президента, заместитель госсекретаря Самнер Уэллс выразил протест, обескураженный небрежным замечанием Рузвельта, что «ничто не может быть бесполезнее, чем воссоздание такого органа, как Ассамблея Лиги Наций» (цитируется в пересказе Уэллса). Но Рузвельт и ухом не повел. Возможно, новая Лига Наций может оказаться полезной в будущем, сказал он. До этого момента осуществлять полицейскую опеку будут Соединенные Штаты и Великобритания, и ни одна другая страна не сможет эффективно участвовать в этом [Department of State... 11 August 1941 (afternoon meeting)]. Как прокомментировали аналитики Совета по международным отношениям, «восемь пунктов» Атлантической хартии «далеко не дотягивают до “четырнадцати пунктов” Вильсона в плане поддержки всеобщего (или хотя бы регионального) международного механизма, посредством которого рузвельтовские «основные свободы человека» [то есть «четыре свободы», выделенные в ежегодном обращении Рузвельта к Конгрессу в январе 1941 г. — прим. ред.] могли бы стать реальностью» [Sharp. Comparative Analysis...].

Атлантическая хартия ознаменовала собой пик интереса Америки к объединению с Британской империей для исполнения роли мирового полицейского. По сути, Хартия была созвучна высказанному два месяца спустя призыву военно-морского министра Фрэнка Нокса установить на ближайшие сто лет американо-британское господство на морях. «Могут сказать, что это опасная сила, коль скоро ею управляют столь немногие», — сказал Нокс. — И в этом доводе есть доля истины. Но как бы неубедительны и неадекватны ни были побуждения американцев и британцев к всеобщему благу и развитию цивилизации, какой бы вероятной ни была возможность злоупотребления такой властью, все же гораздо опаснее, если бы эта власть перешла в руки агрессивных наций, стремящихся к собственному эгоистическому возвеличиванию» [Knox. P. 18].

То, что было мечтой У. Шепардсона, представлялось Ф. Ноксу трагической необходимостью, но оба не скрывали, что предпочитают американско-британскую вооруженную гегемонию любой универсальной конфигурации.

Таким образом, в официальных коридорах отвергали варианты общего с остальными государствами контроля над международной властью. С этой позицией были практически согласны и бывшие пропагандисты вступления в Лигу Наций. Они отложили идею всемирной организации на отдаленное будущее — после переходного периода под американско-британским руководством. Такой позиции группа CSOP придерживалась с ноября 1940 г. по февраль 1943 г. В июне 1941 г. CSOP выступила за создание «совместных американско-британских военно-морских и военно-воздушных сил с необходимыми базами и подсобными службами, достаточно мощных для патрулирования морей и локализации вспышек насилия на суше». Такие силы должны были действовать «на начальном этапе» или, в ином варианте, «столько времени, сколько потребуется» [CSOP...]. Другими словами, Комиссия по изучению организации мира, как жаловался один из ее членов, предусматривала «более или менее бессрочную диктатуру Великобритании и Америки» [R.S. Greene to C. Eagleton...].

Этот диссидент из CSOP был не одинок. Когда Рузвельт и Черчилль приняли Атлантическую хартию, им не удалось произвести впечатление на одну из своих ключевых аудиторий — американскую общественность и ее представителей. Хартию осудили не только противники вступления США в войну [Например, Johnson Says... Р. 6; Taft. Р. 284]. Сторонники вступления в военные действия из Совета по международным отношениям были вынуждены констатировать, что Хартия «упала как мертвая утка» на Конгресс и общественность [Memorandum of Discussions. №. P-A14...]. Артур Свитсер, журналист, работавший в секретариате Лиги Наций, возглавил в рамках Совета политическую группу, язвительно критиковавшую Атлантическую хартию — не столько за ее содержание, сколько за прозрачность ее логики. Как отмечала эта группа в своих рекомендациях Госдепартаменту, «проектируемому американско-британскому патрулированию морей может быть слишком легко придан империалистический оттенок, причем не только пропагандистами стран Оси, но и совершенно искренними людьми» [A Comparative Analysis...]. Планировщики опасались, что союз с одной лишь Великобританией будет слишком неприкрытым и узким, чтобы получить общественную поддержку внутри страны.

Тогда американская политическая элита, которая в течение двух предшествовавших лет высмеивала саму идею всеобщей политической организации, начала обсуждать, не следует ли все же создать такую организацию. 26 августа, менее чем через две недели после провозглашения Атлантической хартии и впервые с момента поражения Франции, аналитики Совета провели по этому поводу продолжительные дебаты [Memorandum of Discussions. №.P-A14...]. К ноябрю руководители Фонда Вудро Вильсона отметили «весьма определенные признаки возвращения общественного интереса и благосклонности как к г-ну Вильсону, так и к программе, которую он отстаивал» [A. Sweetser to the Board...]. Это был неявный, но важный сдвиг, вызванный скорее внутренними соо-

бражениями, чем внешними. Проектировщики послевоенного мира опасались, что общественность США, под [негативным] впечатлением от формулы Атлантической хартии, откажется от мирового лидерства, а возможно, и от участия в международных делах вообще. Как заявил на заседании политической группы Совета по международным отношениям президент Университета Брауна историк Генри Ристон, было «критически важно начать здесь и сейчас перевоспитывать американский народ в духе его международных обязанностей». Лучшим средством для этого, по мнению Ристона, было вовлечение Соединенных Штатов в международные институты и совместные обязательства в неспорных областях, подрывая общественное сопротивление посредством символических актов сотрудничества [Memorandum of Discussions №. P-A16...].

Кроме того, имелась вторая причина. После того, как нацисты вторглись в июне на территорию Советского Союза, в США забеспокоились, что исключительное англо-американское соглашение может оттолкнуть СССР и другие государства. Как резюмировал А. Свитсер, «союз порождает союз». Меморандум, направленный Свитсером в сентябре в Государственный департамент, предупреждал, что «англо-американизм, если им не “управлять” самым тщательным образом, может выглядеть как претензия на мировую гегемонию, а панамериканизм — как эксклюзивистская или разделяющая позиция» [Sweetser]. По той же причине, по которой американо-британская исключительность возмутила американскую общественность (то есть из-за проглядывающей логики политики силы) она могла спровоцировать подобную реакцию со стороны государств-соперников. Возможно, некая более широкая, всемирная конструкция могла бы лучше реализовать цели американо-британского лидерства.

Как именно? Говоря конкретнее, как мировая организация могла бы создать ощущение общего участия, не предполагая общего контроля? Этот вопрос только начали ставить в 1941 г., когда столкнулись парадигмы американо-британского полицейского управления и всемирной организации. Тем не менее еще до официального вступления США в войну американская внешнеполитическая элита начала склоняться к новой позиции: Соединенные Штаты должны возглавить послевоенный мир, и обеспечить это может всемирная организация.

За четыре месяца, прошедшие с момента принятия Атлантической хартии до Перл-Харбора, идея всемирной организации восстала из мертвых, но не путем простого возрождения. Американская политическая элита не пересмотрела свой взгляд на Лигу Наций, задуманную и по-прежнему воспринимавшуюся как инструмент выражения общественного мнения и сдерживания военной силы. В противоположность ей новая всемирная организация приобрела привлекательность как инструмент управления общественным мнением и проецирования военной мощи. Проектировщики надеялись объединить суть, то есть мировое господство США в партнерстве с Великобританией, с универсальной формой. Новая организация должна была представить в привлекательном свете то, что в реальности обеспечивает порядок — подавляющую силу принуждения, имеющуюся наготове прежде всего у Америки. Как писал Свитсер, «с активной Америкой мир будет одним, с бездеятельной Америкой — другим» [Sweetser].

Через две недели после нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США в войну президент Рузвельт одобрил создание правительственного комитета по планированию, который должен был продолжить работу, начатую Советом по международным отношениям [Advisory Committee on Post-War...]. Консультативный комитет Государственного департамента по послевоенной внешней политике впервые собрался 12 февраля 1942 г. в кабинете заместителя госсекретаря Самнера Уэллса [Advisory Committee... Minutes 1. Meeting of 12 February 1942]. Человек Рузвельта в Госдепартаменте, Уэллс возглавлял этот комитет вплоть до весны 1943 г., направляя дискуссии и подытоживая решения при достижении согласия по тому или иному вопросу. Минув государственного секретаря Корделла Халла, он напрямую информировал Рузвельта о работе комитета. Именно Уэллс (больше чем кто-либо другой) уговорил к марту 1943 г. скептически настроенного президента США поддержать идею универсальной политической организации и добиваться ее одобрения Британией и СССР [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 14 August 1942].

На публике С. Уэллс позиционировал себя как «второе пришествие» В. Вильсона. Стоявший в ноябре 1941 г. у гроба Вильсона, он стал первым в ближайшем окружении Рузвельта, кто одобрил участие США в мировой организации. «Редко в истории человечества прозрение государственного деятеля оправдывалось столь трагически и столь скоро», — говорил он о Вильсоне. Американцы «должны снова обратиться за светом и вдохновением к идеалам этого великого провидца» [Welles. Address... P. 29, 32]. Высокая, но слабая похвала: пророк видит, но не делает. С самого начала планирования всемирной организации Уэллс выставил Лигу Нации антимodelью. Необходим, говорил он, «полностью свежий подход» [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 14 August 1942], иначе через десять лет после войны «мы не придем ни к какой утопии», а «те же старые зависть, страхи, ненависть и напряженность вновь заявят о себе» [Subcommittee... Minutes 2. Meeting of 14 March 1942]. Под руководством Уэллса аналитики Госдепартамента приступили к вопросу, каким образом США могли бы проецировать всю свою мощь в мире, склонном к войнам.

В начале 1942 г., когда Соединенные Штаты уже вступили во Вторую мировую войну, дипломаты и полуофициальные эксперты, собранные Госдепартаментом, считали послевоенное превосходство Америки свершившимся фактом. Проявляя возросшие амбиции по сравнению с командой Совета по международным отношениям, члены Консультативного комитета прогнозировали, что весь послевоенный мир объединится под руководством США. Исчезли сложные географические расчеты, выполненные в год падения Франции, чтобы определить, к управлению какой частью разделенного мира должны стремиться Соединенные Штаты. Теперь глобализм стал не требующей обоснования аксиомой. Американские интересы и ответственность «охватывают весь мир», подтвердил географ Исая Боумен, один из нескольких аналитиков Совета по международным отношениям, переведенных в группу Госдепартамента [Subcommittee... Minutes 3. Meeting of 21 March 1942]. Хотя новости с военных театров весной 1942 г. были неоднозначными, планировщики представляли себе поверженный послевоенный мир, смотрящий на Америку в поисках указующего пути. «Народы, измученные ныне гнетом

вражеских сил, действительно будут нуждаться в руководстве во всем, — отмечал Боумен в марте. — Так было в 1918–1919 гг. Их умы утратили полагание на себя и независимость, и они отчаянно искали того, кто отдавал бы приказы» [Subcommittee...Minutes 2. Meeting of 14 March 1942].

Разрушение Гитлером старого международного порядка, казалось, стерло всю предшествующую историю, вот только именно Соединенные Штаты, а не Германия должны определять будущее. Например, при обсуждении проблемы меньшинств в Европе С. Уэллс заметил, что, хотя нынешнее поколение считает перемещения населения жестокой практикой, «следующее поколение не будет чувствовать так же, а мы должны смотреть далеко вперед». И. Боуман, возглавлявший подкомитет по территориальным проблемам, согласился. «Люди стали привыкать к идее переселения меньшинств, — сказал он, — поскольку Гитлер весьма далеко продвинулся в этом процессе» [ibid].

Желанный мир — «тот мир, которого мы хотим», как выразился один из членов Консультативного комитета — казался достижимым, но одно препятствие выделялось среди остальных [Advisory Committee...]. Это был не Советский Союз с международным коммунизмом. Хотя некоторых планировщиков тревожила возможность российского доминирования в Восточной Европе (а следовательно, и в Германии и в Западной Европе), опасения на этот счет оставались на заднем плане до самого конца 1942 г., пока Советский Союз все еще боролся за выживание. Нет, Комитет беспокоила проблема американского «общественного мнения». Редкая встреча проходила без того, чтобы кто-то не заметил, что все, к чему они стремятся, зависит от того, преодолеет ли общественность свое традиционное отвращение к участию в политических и военных делах вне Западного полушария. «С самой большой проблемой мы можем столкнуться дома, — говорил Боумен. — Как действовать, чтобы сохранить наше нынешнее ощущение ответственности, сегодня преобладающее у американской общественности, — сохранить его до наступления послевоенного периода и на протяжении его?» [Subcommittee...Minutes 4. Meeting of 28 March 1942]

Опросы общественного мнения были до известной степени обнадеживающими. Каждый из них, отмечал Уэллс, показывал, что общественность готова поддерживать мир и присоединиться к «международной организации, обладающей зубами» [Subcommittee...Minutes 9. Meeting of 2 May 1942]. Но никакие данные не могли унять тревогу планировщиков, убежденных в том, что «изоляциялизм» всегда может дать о себе знать. Дж. Шотвелл, включенный в число планировщиков Госдепартамента, писал: «Нынешняя война вызвала серьезную революцию в американском мышлении относительно проблемы национальной безопасности», — и тут же, несколькими предложениями ниже, сетовал, что «врожденная склонность американцев к их стародавней изоляции, вероятно, так же сильна, как и прежде» [Shotwell. Preliminary Draft]. Понимая мировое превосходство как нечто «неамериканское», проектировщики послевоенной стратегии стремились примирить свой проект с ценностями американской общественно-политической системы.

Это и было их главной озабоченностью, когда они задумывали создать новую всемирную организацию. 7 марта 1942 г. на первом заседании подкомитета по политическим проблемам, состоявшего из главных лиц большого Комитета, Уэллс заявил, что следует «точно исходить из того, что международная политическая организация будет создана». Практически не было дискуссий от том, как будет выглядеть такая организация. В основном обсуждали, когда провести мирную конференцию. Несмотря на ощущение, что Парижская (Версальская) конференция пыталась одновременно рассматривать слишком много проблем, они пришли к выводу, что Соединенным Штатам следует организовать мирную конференцию еще до окончания войны, чтобы «наша национальная воля к решению проблем установления мира со всеми их трудностями не рассеялась» [Subcommittee...Minutes 1. Meeting of 7 March 1942]. На следующем заседании, 21 марта, эта позиция была подтверждена. Только один аспект проекта международной организации удостоился обсуждения: необходимость ее скорого создания, чтобы закрепить «интернационализм» в общественном сознании и подавить «изоляционизм». Если отложить создание международной организации, то «американское общественное мнение может не поддержать нашу программу в достаточной мере, необходимой для ее продвижения», — предупреждал юрист Бенджамин Коэн из мозгового треста Рузвельта. Интенсивная работа прямо сейчас «дала бы время идеям кристаллизоваться в благоприятном виде до заключения перемирия». Уэллс согласился: «Если отложить создание международной организации, то это может дать американскому общественному мнению время отказаться от необходимого участия в международных делах» [Subcommittee...Minutes 3. Meeting of 21 March 1942]. Вопрос был решен — Соединенные Штаты, утверждал Уэллс, должны создать всемирную организацию и сделать это до окончания войны.

Приняв саму идею международной организации, планировщики обратились к ее структуре. Контуров того, что впоследствии стало Советом Безопасности ООН, наметились на заседании 28 марта. Члены подкомитета нашли способ совместить привилегии великих держав с универсальной формой. У них было три цели: создать эффективный полицейский аппарат, управляемый великими державами, сделать так, чтобы малые державы не чувствовали себя исключенными; обеспечить свободу действий Америки и получить согласие Сената на вступление США в организацию.

Подкомитет пришел к выводу, что начать следует с предоставления права принимать решения «большой четверке» во главе с США, в которую войдут Британия, Советский Союз и, возможно, Франция либо Китай. Этот узкий орган, опирающийся на военную силу, будет способен предпринимать решительные действия, в отличие от Совета Лиги Наций. Однако создать его нужно и можно, «не отбрасывая малые государства». Цель, заявил Гамильтон Фиш Армстронг из CFR, должна заключаться в «том, чтобы привить максимально широкое чувство сопричастности» остальным странам. Чувство сопричастности предстояло привить, поскольку речь шла, по сути, о симулякре участия. Планировщики задумались над вариантом, при котором в новом главном органе заседали бы еще четыре-пять малых стран, представляющих свои регионы на основе ротации, при условии что они будут лишены права вето, которым в Лиге Наций обладали все

ее члены в соответствии с правилом единогласия. Предполагалось, что «большая четверка», возможно, будет «самолично отбирать» представителей, направляемых этими государствами, чтобы обеспечить их пригодность. Когда Бёрл возразил, что этот план напоминает «стерильную интеллектуальную форму Совета и Ассамблеи Лиги Наций», Боумен заверил его в обратном. «Большая четверка» сохранит контроль в руках «тихой неосязаемой организации» за кулисами. Все, чего желали планировщики, — это найти средство, с помощью которого «все государства получили бы признание и возможность считать себя участниками принятия принятых решений». «Откровенно говоря, — подытожил Уэллс, — нам требовалась подачка для малых государств: некая организация, в которой они могли бы быть представлены и чувствовать себя участниками» [Subcommittee...Minutes 4. Meeting of 28 March 1942].

В середине июля Уэллс сформировал новый подкомитет под своим председательством (Подкомитет по международной организации), в задачу которого входила разработка проекта основополагающего акта для последующего представления его Рузвельту. После некоторых колебаний планировщики решили сохранить преемницу Ассамблеи Лиги Наций, чтобы побежденные державы и малые государства могли «встречаться и вентилировать свои обиды» [Subcommittee...Minutes 2. Meeting of 31 July 1942]. Рузвельт привел схожие обоснования, когда в марте 1943 г. излагал британцам в лице министра иностранных дел Энтони Идена предложение создать новую всемирную организацию. «Все наиболее важные решения» будет принимать «большая четверка», сказал президент. Всеобщая ассамблея будет собираться примерно раз в год, но не для принятия каких-либо действенных мер. Малые страны будут лишь «выпускать пар» [Цит. по: Hearden. P. 156]. В представлении Рузвельта и его планировщиков всемирная организация должна была увеличить влияние сильных и умиротворить слабых. Вклад последних в «международное общественное мнение» уже не имел такого значения, как для поколения Вильсона — неслучайно планировщики Рузвельта сначала предполагали опереться на американско-британский союз и лишь позднее добавили в свой проект другие страны.

Помимо предоставления более широких полномочий великим державам, чего не было в Лиге Наций, американские разработчики в процессе своей работы в 1942 г. решили развязать этим державам руки, а не ограничивать, даже номинально, соблюдением международных правил. Дж. Шотвелл провел большую часть межвоенного периода в поисках критериев для определения агрессии, чтобы международное сообщество могло брать на себя эффективные обязательства по наказанию агрессоров. Теперь он стал зачинщиком отказа от чего-либо подобного [Josephson. Ch. 7–9]. Планировщики отвергли статьи 10 и 16 Лиги Наций, которые обязывали государства-члены применять санкции. На этот раз великим державам, входящим в Совет Безопасности, предоставлялась полная свобода действий как в определении того, что Устав ООН назовет «угрозой миру», так и в решении, следует ли действовать и каким образом [Subcommittee...Minutes 2 and 4]. Вместо того, чтобы пытаться укрепить международное право и юридическое урегулирование споров, планировщики сознательно стремились подчинить их политике великих держав. Шотвелл самолично клеймил «склон-

ность американцев (в противоположность британцам) сваливать в одну кучу все виды международных споров в рамках юридического подхода. Определение актов агрессии является политическим вопросом, который может быть решен только политически учрежденным органом», утверждал он. Шотвелл предлагал даже отказаться от Постоянной палаты международного правосудия [Лиги Наций], чтобы вернуться к неформальным методам арбитража, преобладавшим до Первой мировой войны [Subcommittee... Minutes 2; Subcommittee... Minutes 3. 7August 1942]. Он был готов пожертвовать двумя десятилетиями стараний либеральных интернационалистов придать международной политике юридический формат, учредив постоянно действующий суд и настаивая на его задействовании при разрешении споров [См. Burks. P. 891–905; Coates. Ch. 7].

Замечание Шотвелла об устаревшей «американской склонности» подчеркнуло, какой большой путь за короткий период прошли идеи интернационализма. Теперь американские лидеры рассматривали международное сообщество с позиции первенства и стали относиться к свободе действий так же ревностно, как британцы в годы Первой мировой войны [Egerton. P. 92–94; Yearwood]. Президенту Рузвельту всемирная организация вообще не показалась стоящей затеей, когда Уэллс в апреле 1942 г. прислал ему предварительный набросок «Администрации Объединенных Наций» [Welles S. Seven... P. 133]. На протяжении всего 1942 г. Рузвельт был твердо уверен, что диктовать условия мира должна будет «большая тройка» либо «четверка», в зависимости от включения в нее Китая¹. Президент не собирался передавать контроль над войной и миром очередной Лиге Наций с десятками подписантов, которых нужно было удовлетворить.

Позже Уэллс показал ему, что передавать контроль не придется. На двухчасовой встрече с президентом в январе 1943 г. Уэллс изложил, как планировщики послевоенного мира придумали совместить контроль со стороны великих держав со всеобщим участием [O'Sullivan. P. 72–73; Welles B. P. 334]. В составе такой всемирной организации США могли бы осуществлять больший контроль, чем в рамках четырехстороннего концерта. Проект Уэллса предусматривал, например, обязанность каждой страны-члена предоставлять свои силы и объекты в распоряжение великих держав. Интернационализируя колонии и стратегические базы, он открывал мир для доступа американцев [Subcommittee... Document 123-e]. Подробный доклад Уэллса, возможно, переубедил Рузвельта; кроме того, к тому времени Рузвельт был уже больше расположен к территориальным соглашениям, с большим подозрением относился к советским намерениям и решил возродить Францию в качестве противовеса, а не разоружать ее полностью [Hoopes, Brinkley. P. 52–54].

С 1943 по 1945 г. Рузвельт убеждал союзников поддержать идею новой всемирной организации, которую не одобряли ни Сталин, ни Черчилль, мыслившие в логике региональ-

1 Например, в мае президент Совета по международным отношениям Норман Дэвис беседовал с Ф.Д. Рузвельтом и сообщил другим членам Подкомитета по проблемам безопасности, что «его мнение уже практически сформировано»: контролировать послевоенное урегулирование должны США, Великобритания, Россия и Китай, и никто иной. [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 20 May 1942]. Также см.: [Dallek. P. 342, 389–390].

ных делений¹. Без инициативы Соединенных Штатов ничего подобного ООН не возникло бы. Однако последующие переговоры о праве вето и связанных с ним положениях, на которых сфокусировались историки, мало проясняют, почему США сделали своим высшим дипломатическим приоритетом создание организации — цель, которая вошла в число наиважнейших статей политического торга в Ялте и на других саммитах [Dallek. P. 519–522]. Несколько больше говорит нам момент зачатия организации, показывающий, в частности, что решение США создать ООН объяснимо лишь как часть, причем подчиненная часть, американского решения добиваться глобального военно-политического превосходства.

Представляя мир в желанном для себя виде, планировщики Рузвельта больше всего беспокоились о том, чтобы помехой на пути к нему не стал американский народ. Всемирная организация возникла как средство для достижения этой цели, инструмент подавления того, что они воспринимали как глубокое нежелание общественности поддерживать глобальное превосходство. Однако их инструментальное отношение к всемирной организации не должно заслонять истинный, иерархический идеал, символом которого она была для них. В наступающую эпоху американского лидерства Соединённые Штаты будут осуществлять контроль, но каждая страна будет иметь голос. Малые страны станут «проветриваться» на форуме Америки — Организации Объединённых Наций, присягая на верность сложившемуся порядку, даже тогда, когда будут «выпускать пар».

В конце одного из первых, наметочных совещаний, когда еще не было никакой ясности относительно того, как перекроить карту Европы, один из планировщиков кратко выразил суть проблемы. «Выносимость наших условий урегулирования станет великим испытанием», — сказала Энн О'Хара Маккормик, обозреватель *New York Times*. Америке требовалось «народное согласие с этими условиями». Уэллс согласился. «Если народ согласится со своей судьбой, как мы ее видим», — продолжила Маккормик, — «то можно ожидать, что мир будет длительным» [Subcommittee...Meeting of 4 April 1942]. Какой бы курс ни избрали Соединенные Штаты, каким бы произвольным этот курс ни был, это будет единственно верный путь. От всех остальных ожидалось, что они пойдут следом. То, что они могут действовать иначе и провалить «великое испытание», планировщики даже не обсуждали.

Но другие действовали как раз иначе. Народы мира, выходя из войны, не глядели пассивно на Америку в поисках руководства; у них была собственная повестка, начиная с подъема коммунизма в Восточной Европе. К 1947 г., всего через пять лет после того, как планировщики Госдепартамента впервые собрались в офисе Уэллса, их картина единого открытого мира — организованного под американским лидерством, с сотрудничеством великих держав и всеобщим участием — уступила место расколу холодной войны. Совет Безопасности зашел в тупик, а Генеральная Ассамблея вскоре превратилась в антиколониальный форум, поскольку быстрая деколонизация 1950–1960-х

1 Черчилль рассматривал множество предложений, но в 1942 и 1943 гг. он остановился на регионалистском решении, предполагавшем создание Совета Европы, располагающего международными полицейскими силами [Hughes. P. 177–194].

годов превратила глобальный Юг в большинство, а Соединенные Штаты — в «оппозицию» [Moynihan. P. 31–43]. Сама ООН стала внутри США объектом националистических нападков и теорий заговора. Из этого можно было бы заключить, что американское видение интернационализма времен Второй мировой войны полностью провалилось.

Однако поведение Соединенных Штатов, которые с 1945 г. демонстрировали инструментальную привязанность к международной организации, используя ее, когда это было удобно, и обходя, когда было необходимо, не так уж противоречит видению тех, кто сделал изначальную ставку на ООН и разрабатывал проект организации. Те американские правительственные круги уже не верили в международное сообщество, стоящее выше отдельных наций и служащее более высоким, глобальным интересам. После того как нацисты едва не завоевали мировое лидерство, американцы стали видеть в международном сообществе «немногим больше, чем арену, на которой будут вестись битвы [государств]», как пишет Сьюзен Педерсен о системе опеки ООН [Connelly. P. 41]. Они поставили перед собой цель поддерживать свое военное превосходство в международной жизни, решив, что это единственный способ держать мир в порядке. Международные организации часто служили эффективными инструментами для этого проекта, обеспечивая действиям США легитимность, которую ни одна отдельно взятая страна не может получить в одиночку, — в соответствии с замыслом проектировщиков послевоенного мира. Например, в Корейской войне разрешение ООН на военное вмешательство заменило согласие американского Конгресса, а различные институты ООН нередко «очищали» поддерживаемые США инициативы в области глобального управления от их конкретных корней¹.

Концепция антиизоляционистского интернационализма, возникшая во время Второй мировой войны, сыграла важную роль в переходе американской политической системы к политике глобального превосходства и последующем сохранении приверженности идее мирового верховенства. Концептуализируя категорию изоляционизма и противопоставляя ей интернационализм, официальные лица и интеллектуалы той поры сняли противоречие между доминированием в силовой политике и ее преодолением. Обе эти цели, будучи антонимами изоляционизма, стали казаться вполне совместимыми, если не тождественными. Возможно, это и обеспечило их сохранение в качестве ключевых установок проекта американского мирового лидерства как в период холодной войны, так и после ее завершения.

Источники

A. Sweetser to the Board of Directors of the Woodrow Wilson Foundation. 7 October 1941 // Seeley G. Mudd Manuscript Library. Princeton University. Princeton. Woodrow Wilson Foundation Records. Box 5.

1 То, как подразделения ООН могут отмывать средства США в программах глобального управления, иллюстрирует книга Мэтью Коннелли «Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population» [Connelly].

- Advisory Committee on Post-War Foreign Policy: Preliminaries, n.d. Folder The Advisory Committee on Post-War Foreign Policy (General) // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- A. Sweetser to the Board of Directors of the Woodrow Wilson Foundation, 7 October 1941 // Woodrow Wilson Foundation Records. Seeley G. Mudd Manuscript Library. Princeton University. Princeton. Box 5.
- A. Wolfers to Wright. 12 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Advisory Committee Chronological Minutes 1. Meeting of 12 February 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- Advisory Committee Chronological Minutes 1. Meeting of 12 February 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- Advisory Committee on Problems of Foreign Relations (January-May 1940). On the State Department's postwar planning group in 1940 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 108.
- Berle A. Organization of Peace. 3 January 1940 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 108.
- Berle Diary. 29 January 1940 // Adolf Berle Papers. Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Box 211.
- Buell to TIME Inc. Post-War Committee, 'Americo-British Power in the Post-War World'. 13 January 1942 // Raymond Leslie Buell Papers, Library of Congress, Manuscript Division, Wash. Box 25.
- C. Eagleton to Wright. 19 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- A Comparative Analysis of the Wilsonian and Roosevelt-Churchill Peace Programs. №. P-B32. 3 December 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- CSOP, Outline of Program. 7 June 1941 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Department of State Memorandum of Conversation. British-American Cooperation. 11 August 1941 (afternoon meeting) // Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Sumner Welles Papers. Box 151.
- Department of State. Memorandum of Conversation. 11 August 1941 (11 a.m. meeting) // Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Sumner Welles Papers. Box 151.
- J. Foster Dulles to Wright. 19 December 1939. Addenda I // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 13.
- J. Shotwell to Wright. 1 April 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Memorandum of Discussions. №. P-A16, 15 October 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Memorandum of Discussions. №. P-A14, 26 August 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Memorandum of Discussions. №. P-A5, 19 February 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- P. Jessup to Wright. 13 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

- Quincy Wright to Manley Hudson. 12 December 1938. Addenda I // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 15.
- R.S. Greene to C. Eagleton. 23 October 1941 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Second Draft of Statement, Commission to Study the Organization of Peace. 22 June 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Sweetser A.* Approaches to Postwar International Organization (Preliminary Draft). №. P-B30. 17 September 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* A Comparative Analysis of the Wilsonian and Roosevelt-Churchill Peace Programs. №. P-B32, 3 December 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* Institutional Arrangements for Postwar American-British Cooperation (Preliminary Draft). №. P-B28, 17 September 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* The Political Considerations of American-British Partnership. №. P-B20, 4 June 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Shotwell J.* Preliminary Draft on International Organization', 31 July 1942. Subcommittee on International Organization Document 2 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 86.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 4. Meeting of 14 August 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 2. Meeting of 31 July 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 2 and 4 // National Archives. Wash. Harley Notter Files.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 3. 7 August 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization, Document 123-e. Draft Constitution of the International Organization. 26 March 1943 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 88.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 1. Meeting of 7 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 2. Meeting of 14 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 3. Meeting of 21 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 4. Meeting of 28 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 5. Meeting of 4 April 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 9. Meeting of 2 May 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Security Problems. Chronological Minutes 4. Meeting of 20 May 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 76.

Talks with FDR, 1942–1944 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54. Folder Talks with FDR, 1942–1944.

Wilson H. World Order. Memorandum. 22 January 1940 // Adolf Berle Papers. Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. N.Y. Harley Notter Files. Box 108.

Wright Q. Proposals Respecting Political International Organization. 25 March 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

Wright to C. Eagleton. 10 October 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

Литература

Bell D. Reordering the World: Essays on Liberalism and Empire. Princeton. 2016.

Blower B. From Isolationism to Neutrality: A New Framework for Understanding American Political Culture, 1919–1941 // Diplomatic History. 2014. Vol. 38. №2.

Borgwardt E. A New Deal for the World: America's Vision for Human Rights. Cambridge. 2005.

Bosco D. Five to Rule them All: The UN Security Council and the Making of the Modern World. Oxford. 2009.

Buell R.L. The Intervention Policy of the United States // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1928. № 138.

Burks D. The United States and the Geneva Protocol of 1924: A New Holy Alliance'? // American Historical Review. 1959. Vol. 64. № 4.

Coates B. Legalist Empire: International Law and American Foreign Relations in the Early Twentieth Century. N.Y. 2016.

Connelly M. Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population. Cambridge. 2008.

Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. N.Y. 1995.

Divine R. Second Chance: The Triumph of Internationalism in America during World War II. N.Y. 1971.

Douglas R.M. The Labour Party, Nationalism and Internationalism, 1939–1951. 2004. London; N.Y.

Egerton G. Great Britain and the Creation of the League of Nations: Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919. N.C. 1978.

Hearden P. Architects of Globalism: Building a New World Order During World War II. 2002.

Hilderbrand R. Dumbarton Oaks: The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill; London. 1990.

Hilderbrand R., Oaks D., Trachtenberg M. The Iraq Crisis and the Future of the Western Alliance // Andrews D. (ed.) The Atlantic Alliance Under Stress: US-European Relations after Iraq. Cambridge; N.Y. 2005.

Hoopes T., Brinkley D. FDR and the Creation of the U.N. New Haven; London. 1997.

Hoopes T., Brinkley D. FDR and the Creation of the U.N. Yale University Press. 1997.

Hughes. E.J. Winston Churchill and the Formation of the United Nations Organization // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. № 4.

Husain A. Mapping the End of Empire: American and British Strategic Visions in the Postwar World. Cambridge, MA. 2014.

Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, NJ. 2001.

- Jaeger H.-M.* World Opinion and the Founding of the UN: Governmentalizing International Politics // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. № 4.
- Johnson* Says Alliance Forged by Peace Aims // *Los Angeles Times*. 20.08.1941.
- Johnstone A.* Against Immediate Evil: American Internationalists and the Four Freedoms on the Eve of World War II. Ithaca. N.Y. 2014.
- Johnstone A.* Dilemmas of Internationalism: The American Association for the United Nations and U.S. Foreign Policy, 1941–1948. Burlington. 2009.
- Josephson H.* James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America. Cranbury. 1975.
- Kennedy P.* The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations. N.Y. 2006.
- Knox F.* World Peace Must Be Enforced: We Should Prevent the Rise of New Hitlers. Address to the American Bar Association, Indianapolis, 1 October 1941 // *Vital Speeches of the Day*. 1941. Vol. 8. № 1.
- Lippmann W.* Tried and found wanting // *The Washington Post*. 27.02.1941.
- Luce H.* The American Century // *Life*. 17.02.1941. P. 63.
- Mazower M.* Governing the World: The History of an Idea. N.Y. 2012.
- Mazower M.* No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton. 2009.
- Moynihan D.P.* The United States in Opposition // *Commentary*. 1975. Vol. 59. № 3.
- O'Sullivan C.* Sumner Welles, Postwar Planning, and the Quest for a New World Order, 1937–1943. N.Y. 2008.
- Pedersen S.* The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. N.Y. 2015.
- Plesch D.* America, Hitler and the UN. 2011.
- Reynolds D.* From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War. Chicago. 2001.
- Reynolds D.* From World War to Cold War. Oxford. 2016.
- Rofe J.S.* Pre-war Post-war Planning: The Phoney War, the Roosevelt Administration, and the Case of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relations // *Diplomacy & Statecraft*. 2012. Vol. 23. № 2. P. 254–79.
- Santoro C.* Diffidence and Ambition: The Intellectual Sources of US Foreign Policy. Boulder. 1991.
- Schlesinger S.* Act of Creation: The Founding of the United Nations. Boulder; Oxford. 2003.
- Schmitz D.* The Triumph of Internationalism: Franklin D. Roosevelt and a World in Crisis, 1933–1941. Washington. 2007.
- Schulzinger R.* The Wise Men of Foreign Affairs: The History of the Council on Foreign Relations. N.Y. 1984.
- Shoup L., Minter W.* Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N.Y.; London. 1977.
- Simpson S.* The Commission to Study the Organization of Peace // *American Political Science Review*. 1941. Vol. 35. № 2.
- Sluga G.* Internationalism in the Age of Nationalism. Philadelphia. 2013.
- Sluga G., Clavin P.* (eds) Internationalisms: A Twentieth-Century History. Cambridge 2017.
- Smith N.* American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Berkeley. 2003.
- Taft R.* Radio Broadcast to the Citizens of Ohio, 29 August 1941 // *Wunderlin C. (ed.) The Papers of Robert A. Taft*. Vol. 2. Kent. 2001.

Thompson J.A. Woodrow Wilson and a World Governed by Evolving Law // *Journal of Policy History*. 2008. Vol. 20. № 1.

Welles S. Address at Memorial Services at the Tomb of President Wilson in the Washington Cathedral, 11 November 1941 // *Welles S.* The World of the Four Freedoms. Columbia.

Welles B. Sumner Welles: FDR's Global Strategist: A Biography. N.Y. 1997.

Welles S. Seven Decisions That Shaped History. N.Y. 1951.

Wertheim S. Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo- American Thought // *The Decisionist Imagination: Democracy, Sovereignty, and Social Science in the 20th Century*. N.Y. 2019.

Wertheim S. Tomorrow, the World: The Birth of US Global Supremacy in World War II, PhD Dissertation, Columbia University. 2015.

Yearwood P. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914–1925. N.Y. 2009.

Перевод с английского Е.А. Нарочницкой. Оригинал: Wertheim S. Instrumental Internationalism: The American Origins of the United Nations, 1940–3 // J. of Contemporary History. Febr. 2019. № 54(2). DOI: 10.1177/0022009419826661.